

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.Н. Чурилина

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
ln-chur@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию в лингвистическом аспекте кризиса идентичности как проблемы современного общества, приобретшей глобальные масштабы. Под национальной идентичностью понимается Мы-концепция как фрагмент коллективного сознания. Представление о кризисе самоидентификации связывается с утратой этносом исторически сложившегося представления о самом себе, что рассматривается как прямая угроза не только существованию культуры, но и государственной безопасности.

Особое внимание как доминанте национальной самоидентификации россиян уделяется феномену имперское сознание. Как феномен сугубо умозрительный, имперское сознание имеет политические корни, чем определяется желание как ученых, так и публицистов дать ему оценку, полюс которой детерминирован мировоззренческой позицией оценивающего субъекта или занимаемой политической платформой. Возможность получить объективное представление об абстрактном феномене связывается нами с лингвистическим анализом, т.е. с апелляцией к языку как источнику информации. На основе анализа материалов психолингвистических (ассоциативных) экспериментов, проводимых с носителями русского языка на разных временных этапах и отражающих различные стадии формирования национального самосознания, реконструируется «образ себя» как фрагмент сознания россиян. Объектом анализа становятся ассоциативные поля слова-стимула народ. На выбор стимула определяющее влияние оказало признание факта существования оппозиции народ / власть как характерной черты российской государственности на всех этапах ее формирования.

Соотнесение приписываемых имперскому сознанию характеристик с языковыми материалами, полученными в результате экспериментальных исследований, позволяет заключить, что «имперскость» не является на современном этапе доминантным признаком национальной самоидентификации россиян. При этом выявлено, что признаки имперского сознания проявляли себя на предыдущем (советском) этапе существования многонационального российского социума.

Ключевые слова: национальная самоидентификация, имперское сознание, Мы-концепция, языковая картина мира, ассоциативное поле слова, доминанта самосознания

Чурилина Любовь Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: ln-chur@yandex.ru

Введение

Политическая жизнь Российской Федерации последних лет изобилует событиями, дающими стимул к «пересмотру» сложившейся к настоящему моменту системы социальных ценностей и последующим попыткам диагностировать состояние общественного сознания. Особую актуальность на этом фоне приобрели две проблемы, равно связываемые с представлением о безопасности государства: *кризис национальной идентичности* и *имперское сознание* как предполагаемая константа национальной идентичности россиян¹.

Термин *идентичность* в психологии синонимизируется с Я-образом, Я-концепцией, в применении же к этносу целесообразно говорить о Мы-концепции, т.е. коллективном «образе себя»². Возможность применения термина *национальная идентичность* в отношении России не имеет сегодня однозначного решения, поскольку рядом исследователей неправомерно признается сама постановка вопроса о единой нации в России как мегагосударстве «с большим числом влиятельных, мощных наций, желающих самоопределения и самоидентификации в той или иной степени полноты и самостоятельности»³. Однако решение проблемы оказывается возможным в случае разделения национальной идентичности на «гражданскую, свойственную населению всей многонациональной страны («мы – россияне»), и индивидуальную и этнонациональную»⁴. Национальная идентичность россиян связана не столько с обозначением этического статуса, сколько с готовностью считать Россию родиной, а ее историю и культуру во всех ее проявлениях – своими. В этой системе понятий кризис идентичности понимается как «утрата Россией своего исторически сложившегося представления о самой себе»⁵. Актуализация в приведенной цитате семы ‘перестать обладать’ (*утрата*) в пресуппозиции содержит уверенность в том, что факт наличия в сознании россиян сформировавшегося «образа себя» фиксировался на предыдущем временном отрезке. Обращение к прошлому, до-кризисному, этапу формирования национальной идентичности устойчиво связывается с феноменом *имперское сознание*: «Ностальгия по империи сохранилась как у элиты, так и у большей части представителей тех поколений, которые жили при СССР»⁶; «Жизнь в империи не прошла для нас даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру»⁷.

Будучи феноменом сугубо умозрительным, *имперское сознание* имеет политические корни, чем определяется желание как ученых, так и публицистов дать ему политическую же оценку. Причем зависит эта оценка, что вполне предсказуемо, от мировоззренческой позиции оценивающего субъекта или, что в данном случае одно и то же, от занимаемой политической платформы, а потому она, как правило, не знает «срединных» значений и оказывается либо резко отрицательной, либо безусловно положительной. Образцы подобного оценочного дискурса

¹ Бадмаев 1996; Гаджиев 2011; Иванова 2010; Кортунов 2009.

² Erikson 1976; Postmes 2005.

³ Иванова 2010, 3.

⁴ Иванова 2010, 2.

⁵ Кортунов 2009, 8.

⁶ Соколов 2015.

⁷ Никольский 2014, 42.

мы обнаруживаем, например, на Открытом христианском форуме, где активно обсуждалась позиция Ю. Сипко, утверждающего, что «в современной России налицо «повальное заражение бациллой превосходства нашей российской истории, нашей ментальности, духовности над общемировыми общечеловеческими ценностями»⁸. Прямо противоположное мнение отражено в статье М. Смолина «Имперское сознание и Имперский национализм»: «Демократические идеологи старались убедить великую нацию, что ей не нужно, неудобно, наконец, невыгодно быть имперской нацией, что ей будет легче и спокойнее жить мелочными проблемами, занимающими швейцарца или люксембуржца, проблемами биологического потребления, а не духа и творчества»⁹. Даже в случае попыток научного подхода к осмыслению феномена, он остается в аксиологическом поле: в нем усматривается угроза существованию российского народа, а потому «речь должна идти о смене россиянами своей имперской идентичности на патриотическую идею возрождения народа и страны без имперских целей»¹⁰.

Возможность получить хоть сколько-нибудь объективное (как минимум – не связанное с личностной системой оценок и предпочтений) представление об абстрактном феномене в нашем случае связывается с лингвистическим анализом, т.е. с апелляцией к языку как источнику информации. Разрабатываемое в рамках когнитивной лингвистики понятие *языковая картина мира* в содержании своем соотносено с национальным сознанием, национальной спецификой мировосприятия¹¹. Попытаемся выявить объективные показатели наличия / отсутствия имперских амбиций (или следов таковых) в коллективном сознании наших современников и соотечественников, опираясь на словарные материалы.

В качестве источника используется последний по времени издания ассоциативный словарь – «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский»¹². Преимущество ассоциативных словарей заключается, прежде всего, в объективности предлагаемого языкового материала: массовый свободный ассоциативный эксперимент позволяет зафиксировать «фрагменты сознания» разных носителей языка. Что касается избранного лексикографического источника, то предпочтение наше определяется не только фактором его относительной новизны, но и возможностью сравнения заведомо (?) *имперского* и *не имперского* вариантов национального мировосприятия: речь идет о сопоставлении русского и иных ассоциативных полей со стимулом *народ* (во всяком случае, нам не приходилось сталкиваться с обвинениями в «имперскости» белорусов, украинцев и болгар).

Чем определяется выбор слова-стимула? Мы намеренно отказались от вовлечения в анализ таких полей, как *власть* и *государство*¹³. Причина кроется в признании факта существования оппозиции *народ* / *власть*, как характерной черты российской государственности на всех этапах ее формирования. При этом частотно проявляющая себя в ассоциативном эксперименте пара «народ ↔ мы» может

⁸ Сипко 2007.

⁹ Смолин 2012.

¹⁰ Никольский 2014, 51.

¹¹ Halliday 1978.

¹² Уфимцева 2004.

¹³ Вариант анализа ассоциативного поля «власть» см. в: Морель Морель 2015.

рассматриваться как свидетельство самоидентификации участников эксперимента, представляющей для нас интерес, коль скоро речь идет о самосознании нации («образ себя»).

Совокупность критериев (маркеров) «имперскости» при анализе языкового материала определяется с опорой на предложенный С.А. Никольским перечень характерных признаков имперского сознания, в число которых входят: стремление к территориальному расширению, уверенность во враждебности «внешнего» мира («концепция единственной на свете «святой Руси») и, как следствие, наличие в национальном самосознании мессианской идеи, а также небрежение правом и презрение к человеку¹⁴.

Ядро ассоциативного поля слова-стимула *народ*, включающее наиболее частотные реакции, позволяет выделить несколько доминантных семантических зон: 'множество' (*толпа, люди, много, масса / массы, стадо, много людей, многочисленный, электорат*); 'организация' (*толпа, страна / страны, власть, стадо, общество, демонстрация, митинг*) и 'этнос' (*русский, нация, родной, национальность, племя, русские, чужой*).

В особую группу целесообразно выделить реакции, эксплицирующие оценку, связываемую с представлением о народе (а поскольку народ = мы, то и самооценку). Оценка эта оказывается амбивалентной: с одной стороны – *сила / сильный, великий, веселый, дружный, умный, гордый, добрый, могучий, прекрасный, честный*; но с другой – *глупый, бедный, урод, быдло, дурак, дурной, несчастный*. Выход в область единичных реакций если и способен изменить представление о характере самооценки россиян, то только в сторону увеличения доли негативной (*безвластен, бесправие, возмущен, все переживет, глуп, глумной, голод, голодает, голоден, дикий, крах, куча мусора, обманули, обманутый, пошел пить пиво, пьянь, страдальцы, терпеливый, терпит, униженный* и проч.; всего 24 реакции, или 30% от общего числа). Даже самый пристрастный взгляд не позволяет обнаружить следы «мессианства» у народа со столь низкой самооценкой.

В каком-то смысле отвечающим взятым за основу критериям можно было бы считать отмечаемое в ядерной зоне ассоциативного поля слово-реакцию *великий* (ИЧ – 6). Однако в других ассоциативных полях оно тоже встречается в частотной зоне ассоциаций: *вялікі* (белорусский; ИЧ – 7), *велик* (болгарский; ИЧ – 5); *великий* (украинский; ИЧ – 17).

Допускаем, что низкая самооценка и есть языковое проявление отмечаемого С.А. Никольским небрежения к личности. Но в этом случае, это единственный признак имперского сознания, который удается обнаружить: нет следов враждебности к «внешнему» миру, равно как и стремления к захвату территорий. Можно ли один, и не самый показательный, поскольку замыкает предлагаемый С.А. Никольским перечень, признак рассматривать как достаточное основание для диагноза – *имперское сознание*?

Вопрос, который неизбежно возникает в данном случае: возможно, *имперское сознание* не фиксируется на уровне ассоциативного эксперимента?

Ассоциативное поле со словом-стимулом *народ* представлено и в других имеющихся в нашем распоряжении ассоциативных словарях русского языка:

¹⁴ Никольский 2014.

«Словаре ассоциативных норм русского языка»¹⁵ и в «Русском ассоциативном словаре»¹⁶. Поскольку время проведения серии ассоциативных экспериментов, материалы которых легли в основу каждого из словарей, различно, ожидаемо и обнаружение значимых различий на уровне результатов. Так, первый по времени создания «Словарь ассоциативных норм русского языка» отражает сознание человека советской эпохи; а «Русский ассоциативный словарь» представляет сознание россиян на стыке эпох – 90-е годы XX века – переломный («перестроечный») этап формирования мировоззрения нового времени.

Лексический состав ассоциативно-семантического поля (АСП) «народ» в САН позволяет говорить и о достаточно высокой национальной самооценке, и о претензиях на доминирование: существенно более высоким является индекс частотности слова-реакции *великий* (ИЧ-17), в структуру поля входят реакции *планета, всех стран, земной шар, воинственный, движущая сила* и др. Реакциями, отражающими самооценку испытуемых как представителей этнокультурной общности, в рассматриваемом АСП являются слова, в структуру значения которых входит сема 'положительная оценка': *великий, могучий, негибаемый, дружный, большой, гордый, гостеприимный, добрый, мирный, трудолюбивый, хороший и др.*; народ – это *сила, творец, мощь, создатель, труженик*. В качестве единиц, объективирующих негативную самооценку, могут рассматриваться только единичные реакции *толпа и скот*.

В АСП «народ» в РАС еще сохраняет свои позиции идеология советского периода (*и партия, советский, и армия едины, и партия едины, СССР*), но при этом отражен начальный этап формирования нового – демократического – сознания: *Ельцин, свободу, выборы*. Лексический набор репрезентантов самооценки в этом АСП кардинально меняется – отмечается резкий рост числа единиц, соотносимых с представлением о негативной и даже крайне негативной оценке: *толпа, быдло, массы, стадо, сборище; глупый, темный, беден, дурной, загнанный, злой, озлобленный, лихой, многострадальный, страдает, тупой, угнетенный*. Доминирующим оказывается образ народа как безмолвной, пассивной, хаотично движущейся массы.

Заключение

Последовательное сопоставление зафиксированных словарями материалов ассоциативных экспериментов, представляющих разные этапы формирования массового сознания жителей современной России, позволяет с высокой степенью вероятности заключить: *имперское сознание* правомерно было рассматривать в качестве значимого фрагмента национальной самоидентификации только в период второй трети XX века. Уже на рубеже веков психолингвистический эксперимент отражает разрушение социального стереотипа. Столь стремительные процессы деструктуризации дают повод к сомнению: обладает ли *имперское сознание* статусом доминанты национальной самоидентификации россиян?

В этой связи весьма убедительно звучит тезис современного российского политолога Д.Э. Летнякова: проникновение в сознание россиян имперских ценно-

¹⁵ Леонтьев 1973.

¹⁶ Караулов 2002.

стей и смыслов обнаруживает себя «никак не раньше второй трети XX в., после начала советской модернизации. До этого времени имперский дискурс в России был сугубо элитарным – он продуцировался и поддерживался политической и интеллектуальной элитой, образованной частью российского общества»¹⁷.

Выявленный в ходе лингвистического анализа факт инородности *имперского сознания* в структуре смыслового поля самоидентификации россиян уже не может расцениваться как отражение субъективного мнения, детерминированного политическими амбициями. В таком случае вопрос о доминанте Мы-концепции остается открытым, в то время как поиск ответа на него входит в число приоритетных государственных задач, поскольку: «Внедрение имперского мифа в общественное сознание стало служить поддержанию политических и общественных напряжений вокруг России, оно блокирует развитие российского национального проекта и препятствует процессу нормализации страны»¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадмаев, В.Н. 1996: *Национальная идентификация как философская проблема (по материалам наследия российского зарубежья)*: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М.
- Гаджиев, К.С. 2011: Национальная идентичность: концептуальный аспект. *Вопросы философии* 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?id=400&option=com_content&task=view
- Дайджест новостей Открытого христианского форума*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jesuschrist.ru/news/2007/01/11/12143>
- Иванова, В.В. 2010: *Национальная идентичность как фактор безопасности государства*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pan-i.ru/nauchnie-statii/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnosti-gosudarstva.html>
- Караулов, Ю.Н. (ред.) 2002: *Русский ассоциативный словарь*. М.
- Кортунов, С.В. 2009: *Национальная идентичность: Постигение смысла*. М.
- Крупкин, П. 2008: *Имперский дискурс в современной России*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article20749.htm>
- Леонтьев, А.А. (ред.) 1973: *Словарь ассоциативных норм русского языка*. Прямой. М.
- Летняков, Д.Э. 2015: К вопросу о генеалогии имперского сознания в России. *Философский журнал* 8. 2, 112–127.
- Морель Морель, Д.А. 2015: *Динамика культурных концептов сквозь призму ассоциативного эксперимента*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/9152/1/Morel_Dinamika.pdf
- Никольский, С.А. 2014: Русские как имперский народ. *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований* 1, 42–54.
- Смолин, М. 2015: *Имперское сознание и Имперский национализм*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svyatorus.com/kultura/514-imperskoe-soznanie-i-imperskiy-nacionalizm.html>
- Соколов, Б. 2015: *Сознание строит империю. Оно же ее – разрушает*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tochno.media/rus/publication/soznanie-stroit-imperiyu-razrushaet-1435340922/>
- Уфимцева, Н.В. (ред.) 2004: *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский*. М.

¹⁷ Летняков 2015, 123.

¹⁸ Крупкин 2008.

- Erikson, E.H. 1976: The Concept of Identity in Race Relations: Notes and Queries. In: A. Dashefsky (ed.), *Ethnic Identity in Society*. Chicago, 59–72.
- Halliday, M.A.K. 1978: *Language as Social Semiotic*. London.
- Postmes, T., Lee, A.T., Novak, R.J. 2005: Individuality and Social Influence in Groups: Inductive and Deductive Routes to Group Identity. *Journal of Personality and Social Psychology* 89. 5, 747–763.

REFERENCES

- Badmaev, V.N. 1996: *Nacional'naja identifikacija kak filosofskaja problema (po materialam nasledija rossijskogo zarubezh'ja)*: avtoref. ... dis. kand. filos. nauk. Moscow.
- Dajdzhest novostej Otkrytogo hristianskogo foruma*, <http://jesuschrist.ru/news/2007/01/11/12143>
- Erikson, E.H. 1976: The Concept of Identity in Race Relations: Notes and Queries. In: A. Dashefsky (ed.), *Ethnic Identity in Society*. Chicago, 59–72.
- Gadzhiev, K.S. 2011: Nacional'naja identichnost': konceptual'nyj aspekt. *Voprosy filosofii* 11, http://vphil.ru/index.php?id=400&option=com_content&task=view
- Halliday, M.A.K. 1978: *Language as Social Semiotic*. London.
- Ivanova, V.V. 2010: *Nacional'naja identichnost' kak faktor bezopasnosti gosudarstva*, <http://www.pan-i.ru/nauchnie-stati/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnosti-gosudarstva.html>
- Karaulov, Ju.N. (red.) 2002: *Russkij asociativnyj slovar'*. Moscow.
- Kortunov, S.V. 2009: *Nacional'naja identichnost': Postizhenie smysla*. Moscow.
- Krupkin, P. 2008: *Imperskij diskurs v sovremennoj Rossii*, <http://www.apn.ru/publications/article20749.htm>
- Leont'ev, A.A. (red.) 1973: *Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka. Prjamoj*. Moscow.
- Letnjakov, D.Je. 2015: K voprosu o genealogii imperskogo soznaniya v Rossii. *Filosofskij zhurnal* 8. 2, 112–127.
- Morel' Morel', D.A. 2015: *Dinamika kul'turnyh konceptov skvoz' prizmu asociativnogo jeksperimenta*, http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/9152/1/Morel_Dinamika.pdf
- Nicol'skij, S.A. 2014: Russkie kak imperskij narod. *Politicheskaja konceptologija: zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij* 1, 42–54.
- Postmes, T., Lee, A.T., Novak, R.J. 2005: Individuality and Social Influence in Groups: Inductive and Deductive Routes to Group Identity. *Journal of Personality and Social Psychology* 89. 5, 747–763.
- Smolin, M. 2015: *Imperskoe soznanie i Imperskij nacionalizm*, <http://svyatorus.com/kultura/514-imperskoe-soznanie-i-imperskiy-nacionalizm.html>
- Sokolov, B. 2015: *Soznanie stroit imperiju. Ono zhe ejo – razrushaet*, <http://www.tochno.media/rus/publication/soznanie-stroit-imperiyu-razrushaet-1435340922/>
- Ufimceva, N.V. (red.) 2004: *Slavjanskij asociativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij*. Moscow.

CRISIS IN RUSSIAN SELF-DEFINITION: LINGUISTIC ASPECT

Lyubov N. Churilina

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
ln-chur@yandex.ru

Abstract. This article deals with the linguistic aspect of self-definition crisis in modern society. Under the self-definition the author understands We-conception as a part of the collective

consciousness. A national self-definition crisis refers to a situation when a nation loses its history, culture and traditions. That is considered as a direct threat not only to cultural existence, but also to homeland security.

The Russians see their country as a great empire. This is the dominant of the national self-definition. In this article, the author pays a particular attention to this phenomenon. As a mental thing, imperial perception of Russia has a political base. That is why scientists and publicists find this phenomenon interesting to analyze from different points of view. The opportunity to get objective data about abstract phenomenon leads to linguistic analysis. The author uses materials of psycholinguistic (association) experiments performed among Russian native speakers at different times. The results of these experiments reveal the forming stages of national self-consciousness. The analysis helps to model the “image of yourself” as a part of Russian self-consciousness. The object of the analysis is associative fields of word people. The choice of the stimulus word deals with the firm opposition people / state power in Russian society.

Correlation of the characteristics attributed to imperial consciousness with the language materials received as a result of pilot studies allows to conclude that “imperskost” isn’t a dominant sign of national self-identification of Russians at the present stage. At the same time it is revealed that signs of imperial consciousness emerged at the previous (Soviet) stage of existence of multinational Russian society.

Key words: national self-definition, imperial perception of Russia, We-conception, linguistic world image, associative field, self-consciousness dominant
